

УКОРЕНЕНИЕ

Выезд протоиерея Константина Ильчевского со старостой Николаем на требу в д. Павлово.

Добро, что почти в каждом городе и поселке были особо прилежные «богомолки», которым большинство верующих поручали свои духовные потребности. Они привозили в Николо-Шангу целый «ворох» записок и кучу денег, которыми Церковный Совет распорядился по указанию уполномоченных и своему собственному усмотрению (без совета с настоятелем, что было запрещено): следили за ремонтом храма, оплачивали налоги и вносили крупные суммы денег в загадочный «Фонд мира». Священнику разрешалось молиться и безропотно совершать требы только в храме. Правда разрешалось, по особому приглашению, причащать и соборовать больных на дому.

Я тогда был еще молод, отличался немалым терпением и выносливостью. Назову только несколько цифр. Молебнов с водосвятием по воскресениям и праздникам было до 100 и более, 4-5 акафистов, отпеваемых и крещаемых – десятки. Последних в один из дней было 32!

Проскомидию я начинал в 7 часов, исповедовал по воскресениям от 50 до 100 душ, а в Великий Пост и того более. Божественную Литургию старался начинать в 9 часов, но это не всегда удавалось. Летом, после молебнов и акафистов, «мокрехонек» от пота убежал домой переодеться и, наскоро выпив кружку чаю, возвращался в храм, чтобы крестить или, что случалось нечасто, венчать. Заканчивал часов в 15-16. Зимой было физически немного легче. Служил часто и по уставу: ничего не сокращая. Все четыре Евангелия, например, вычитывал в положенные первые 3 дня Страстной недели, а все остальное тоже по уставу. Всенощные богослужения начинал в 5 часов вечера и заканчивал в 8. Часто вызывали на требы, особенно в Шарью и в Шекшему. В 1963-1964 годах, когда дорога была проезжей, изредка курсировал из Шарьи в Николо-

Шангу маленький автобус. Но нередко приходилось добираться в Шарью на «путках», а до ближайших деревень – на телеге или в санях, а иногда и пешком.

Во второй половине 1964 года началось строительство дороги из Шарьи на север Костромской области, которая прошла в километре от Николо-Шанги. Дорогу заасфальтировали, проложили подъезд к ней, и из Шарьи в Николо-Шангу стал ходить автобус по расписанию. Проблема с транспортом была решена.

Тем временем, несмотря на все богослужебные нагрузки, в 1964 году я поступил в заочный сектор МДА в Загорске и, упорно занимаясь, в 1969 окончил академию с ученой степенью кандидата богословия.

Светлые воспоминания о моем священнослужении на приходе в с. Николо-Шанга остались в душе и поныне. Члены Церковного Совета, глубоко верующие простые русские люди и представители сельской интеллигенции относились ко мне с подчеркнутым уважением. Особенно оно возросло в учительском коллективе, после того как моя дочь Евгения оказалась серебряной медалисткой, первой за всю историю Николо-Шангской средней школы. Я тоже был вполне удовлетворен и нравственно и материально.

Но скорби и неприятности не прошли мимо моей семьи. 23 марта 1964 года

скоропостижно скончалась моя семнадцатилетняя дочь Алла. Там она и похоронена под вековой липой на правой стороне кладбища.

Крайне неприятной новостью было для меня сообщение о закрытии атеистической властью храма в с. Печенкино. По звонку из Епархии я должен был выехать туда, чтобы забрать запасные Св. Дары, антиминс и евхаристические сосуды. Меня вызвали в Шарьинский райисполком и после соответствующих «инструкций» отправили с участковым милиционером и членом Церковного Совета Дмитрием Ивановичем Козловым в с. Печенкино. Взяв Святые Дары, антиминс и комплект серебряных евхаристических сосудов, выданный по нашей настойчивой просьбе для Никольской церкви с. Николо-Шанга (по гражданским законам их должен был изъять райфинотдел), мы с Д.И. Козловым отошли в сторону. После этого местные «активисты» и приехавшие с нами грузчики начали разбирать иконостас, снимать настенные иконы и грузить вместе с другой церковной утварью на два грузовика, которые затем направились в Николо-Шангу.

Помнится еще такой скорбный эпизод.

Весной 1965 года я покрестил взрослую (16-18 лет) девицу. Через некоторое время приходит ко мне группа молодых парней и девчат около 8-ми человек (как выяснилось в ходе беседы – из Шарьинского райкома ВЛКСМ) и затевает со мной диспут, требуя «раскрестить» (!!!) приведенную ими запуганную смущенную девицу, поскольку она является членом комитета комсомола.

Отклонив нелепые обвинения в том, что совершение церковных Таинств нано-

Прот. Константин Ильчевский. 1964 г.

сит «вред» физическому и душевному здоровью человека, я постарался объяснить своим оппонентам, что в Церкви не существует обряда, посредством которого можно было бы «раскрестить» правильно крещеного человека. Однако они продолжали настаивать на своем и не ушли до тех пор, пока не вынудили свою подругу снять с себя крестик и оставить его в церкви. Жаль! До слез жаль введенной в искушение девицы!

Как мне хотелось бы теперь встретиться с этими людьми и узнать – раскаялись ли они в своем поступке? А если нет, еще раз призвать их к покаянию. А я как молился, так и молюсь об их вразумлении.

16 октября 1967 года я был переведен на должность настоятеля Введенской церкви г. Галич.

Заключение

Несмотря на невзгоды и искушения, выпавшие на мою долю в то время, я с любовью вспоминаю Николо-Шангский период своего служения и благодарю Бога за все!

Я написал это слово для архива Николо-Шангской церкви, приложив некоторые снимки того времени, по просьбе ее нынешнего настоятеля иерея Вячеслава Королева.

25 июня 2004 г.
прот. Константин
Ильчевский
г. Кострома

1986 г. Слева от прот. Константина прот. Михаил Синявин, справа иерей Виктор Долгов.